

Джонни не суждено было понять, почему именно он начал видеть мертвецов. Возможно, Джонни попросту чересчур ленив, чтобы их не видеть, предположил Олдермен.

Сознание большинства людей, говорил он, не позволяет им видеть то, что могло бы их огорчить. Уж он-то знает, сказал Олдермен: всю свою жизнь (1822—1906) он только и делал, что ничего такого не видел.

Холодец Джонсон, официально считавшийся лучшим другом Джонни, сказал: всё потому, что Джонни психанутый.

Однако Ноу Йоу (он почитывал медицинские книжки) возразил: наверное, Джонни просто не в состоянии сфокусировать сознание, как это делают нормальные люди. Нормальные люди просто-напросто обращают очень мало внимания на то, что творится вокруг, ради возможности сосредоточиться на более важных вещах,

ну, например, проснуться, подняться с постели, сходить в туалет и продолжать жить в ладу с собой. А вот Джонни открывал утром глаза — и получал по лицу всем мирозданием.

Холодец сказал, что, с его точки зрения, это и называется «психанутый».

Как ни крути, выходило одно: Джонни видел то, чего не видели другие.

Например, покойников, разгуливающих по кладбищу.

Олдермен — по крайней мере, *старый* Олдермен — смотрел на большинство других мертвецов, даже на мистера Порокки, обладателя большущего надгробия из чёрного мрамора, с двумя ангелами и снимком, ни капельки не похожего на мертвеца мистера Порокки (1897—1958), чуть свысока. Олдермен утверждал, будто мистер Порокки был крупным мафиозо, «капо ди монте». Сам мистер Порокки объяснил Джонни, что, напротив, всю жизнь посвятил оптовой торговле галантерейными товарами и вдобавок был фокусником-любителем и другом детей, а значит, никак не мог принадлежать к мафии.

Но всё это было потом. После того, как Джонни познакомился с мертвецами поближе. После того, как всплыл призрак «Форда Капри».

Джонни открыл для себя кладбище, когда переехал к деду, на Третьем Этапе Трудных Времен, после фазы скандалов (очень неприятной) и периода Разумного Отношения К Ситуации (ещё более неприятного; уж лучше скандалы). Отец устраивался на новую работу где-то на другом конце страны, а Джонни не покидало смутное ощущение, что теперь, когда предки оставили попытки вести себя разумно, возможно, всё ещё уладится. Но в общем он старался об этом не думать.

Возвращениям из школы на автобусе Джонни предпочитал тропинку вдоль канала — и вскоре обнаружил, что, если перелезть через поваленный кусок ограды и пройти позади крематория, путь становится вдвое короче.

Могилы подступали к самому каналу.

Это было старое кладбище — из тех, где живут лисы и совы. Воскресные газеты порой пышно именуют такие погосты наследием викторианской эпохи, хотя данное конкретное кладбище пресса своим вниманием не удостоивала: наследие за тридцать земель от Лондона — не наследие.

Холодец утверждал, что на кладбище жутко, и зачастую ходил домой в обход, дальней дорогой, а вот на взгляд слегка разочарованного Джонни, там могло бы быть и пожутче. Стоило

выбросить из головы, *что* это за место, и забыть про скелеты, ухмыляющиеся в темноте под землёй, как на кладбище становилось вполне уютно. Здесь пели птицы, а шум уличного движения доносился словно из далёкого далека. Здесь царили мир и покой.

Впрочем, кое-что он всё-таки проверил. Часть старых могил венчали массивные каменные коробки. В самых глухих, запущенных уголках они местами потрескались и даже развалились. В них-то и заглянул Джонни — на всякий случай.

Ничего не обнаружив, он даже расстроился.

Ещё на кладбище были склепы. Большие. С дверями, как в настоящих домах. Они отдалённо напоминали сараи, украшенные фигурами ангелов. Ангелы, против ожиданий, в общем и целом были исполнены довольно живо, особенно один у входа — он словно бы вдруг спохватился, что, прежде чем покидать Небеса, следовало сходить в туалет.

Джонни и Холодец шли по кладбищу, взрывая ногами холмики опавших листьев.

— На той неделе будет Хэллоуин, — сказал Холодец. — Я устраиваю вечеринку. Вход только для страшил и чудовищ. Маску можешь не надевать.

— Спасибо, — сказал Джонни.

— Ты заметил, что в магазинах стало много-

го больше всяких хэллоуиновских штукovin? — спросил Холодец.

— Это из-за Ночи Костров, — сказал Джонни. — Слишком много народу повзрывалось на фейерверках, вот и придумали Хэллоуин, чтобы просто надевать маски и наряжаться.

— Миссис Ментор говорит, это всё пахнет чёрной магией, — заявил Холодец.

Миссис Ментор жила по соседству с Джонсонами и славилась странным отношением к таким явлениям жизни, как, например, прослушивание записей Мадонны на полной громкости в три часа ночи.

— Может, и так, — не стал спорить Джонни.

— Она говорит, в Хэллоуин ведьмы переходят все границы, — продолжал Холодец.

— Что? — Джонни наморщил лоб. — Зачем? Хотят попутешествовать, поглядеть на эти самые... как их... Канарейские острова?

— Наверное, — пожал плечами Холодец.

— Н-ну... в общем, неглупо. Они же старые, им, наверное, в мёртвый сезон делают скидку, — сказал Джонни. — Моя тетка может куда хочешь доехать на автобусе почти задаром, а она никакая не ведьма.

— Тогда непонятно, чего миссис Ментор волнуется, — пожал плечами Холодец. — Ведь если все ведьмы укатят в отпуск, здесь станет куда спокойнее...

Они миновали чрезвычайно декоративный склеп — он мог похвастать даже оконцами из кусочков цветного стекла. Трудно было представить, кому может взбрести в голову заглядывать внутрь, но ещё труднее было вообразить, кому может припасть охота выглянуть наружу.

— Не хотел бы я оказаться с ними в одном самолёте, — задумчиво протянул Холодец. — Представляешь, ждёшь ты отпуска, ждёшь, вот наконец тебе его дают — осенью, ты садишься в самолёт, а там все эти ведьмы летят за бугор!

— И поют «Мы едем, едем, едем»? — спросил Джонни. — Или «Вива-эх-спа-аниель»?

— Зато обслуживание в гостинице уж точно будет высший класс, — добавил он, подумав.

— Ага.

— Смехота, — сказал Джонни.

— Что?

— Я читал, — объяснил Джонни, — что в Мексике или где-то ещё есть обычай каждый год на Хэллоуин всем отправляться на кладбище и устраивать там большую фиесту. Понимаешь, они вроде как не въезжают, почему человек должен оставаться в стороне от событий, если он умер.

— Ёлы! Пикник? Естественно на кладбище?

— Да.

— А жмурики небось шпроты таскают? Представляешь — из земли лезут зелё-ёные светя-я-

ящиеся ру-уки... — замогильным голосом про-
выл Холодец.

— Вряд ли. И вообще... в Мексике не едят
шпроты. Там едят тор... ну эту...

— Тортиллу.

— Вот-вот.

— Спорим, — сказал Холодец, озираясь, —
спорим... спорим, тебе слабо постучать в одну
из этих дверей. Спорим, за ними затаились по-
койники.

— А чего им таиться?

Холодец подумал.

— А они всегда таятся. Не знаю почему.
Я смотрел. И ещё они умеют проходить сквозь
стены.

— А зачем? — спросил Джонни.

— Чего — зачем?

— Зачем им проходить сквозь стены? Живые-
то этого не умеют. Так на кой это покойникам?

Мама у Холодца была очень сговорчивой
в отношении видео. Если верить Холодцу, ему
позволяли в одиночку смотреть такие фильмы,
которые даже столетним старичкам приходится
смотреть вместе с родителями.

— Не знаю, — сознался он. — Они всегда
почему-то жутко злые.

— Из-за того, что померли, да?

— Наверное, — сказал Холодец. — Что за
жизнь у покойников!

Вечером Джонни задумался над этим (к тому времени он уже познакомился с Олдерменом). Знакомых покойников у него было не много: мистер Пейдж, который, кажется, умер в больнице, и прабабушка, которая просто умерла. Их нельзя было назвать особенно злыми. Прабабушка не очень хорошо ориентировалась в окружающей обстановке, но никогда не злилась. Джонни навещал её в «Солнечном уголке» — она там помногу смотрела телевизор, коротая время в ожидании обеда, полдника или ужина. А мистер Пейдж, тихий старичок, единственный из взрослых с улицы Джонни, днём бывал дома.

Вряд ли они стали бы восставать из мёртвых только для того, чтобы станцевать с Майклом Джексонном. А единственное, ради чего прабабушка Джонни стала бы проходить сквозь стены, — это телевизор, который можно смотреть без необходимости предварительно с боем увести пульт у пятнадцати других старушек.

Джонни казалось, что многие люди всё понимают шиворот-навыворот, о чём он и сообщил Холодцу. Холодец не согласился:

— Наверное, покойники думают по-другому.

Они шли по Западной авеню. Кладбище было спланировано как город с улицами. Названия не блистали оригинальностью — Северный проезд и Южная аллея, к примеру, упирались в Западную авеню. В месте слияния на засыпанном

гравием пяточке стояли скамейки — это было что-то вроде центральной площади. Но большие безмолвные викторианские склепы создавали атмосферу предпраздничного «короткого» дня, затянувшегося навеки.

— Отец говорит, всё это застроят, — сказал Холодец. — Он говорит, городской совет продал кладбище какой-то крупной компании, потому что его жутко дорого содержать. За гроши продал. За пять пенсов.

— Целое кладбище? — не поверил Джонни.

— Так он сказал. — Казалось, Холодцу и самому не больно-то верится. — И вроде вышел скандал, реально.

— И тополёвую рощу?

— Всё-всё, — сказал Холодец. — Под офисы, что ли.

Джонни оглядел кладбище. Это был единственный на много миль участок открытой местности.

— Я бы дал фунт, не меньше, — сказал он.

— Да, только ты ничего не смог бы тут построить, — сказал Холодец. — Вот в чём штука!

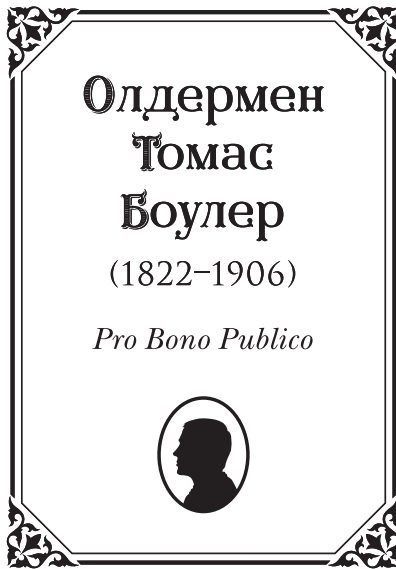
— А я бы и не стал ничего строить. Я бы заплатил им фунт, просто чтобы всё осталось как есть.

— Да, — рассудительно промолвил Холодец, — но людям нужно где-то работать. Нам Нужны Рабочие Места.

— Здешние жильцы не порадовались бы, — сказал Джонни. — Если б узнали.

— Их, наверное, куда-нибудь перевезут, — сказал Холодец. — А то потом газон будет не вскопать.

Джонни поглядел на ближайший склеп (один из тех, что походили на мраморные сараи) и прочел бронзовые буквы на двери:

На камне был (наверное) вырезан портрет самого Олдермена. Почтенный муж глубоко-мысленно смотрел куда-то вдаль, словно тоже ломал голову над тем, что же значит «Pro Bono Publico».

— Вот кто наверняка зол как чёрт, — сказал Джонни.

Он на мгновение замешкался, а потом поднялся по двум разбитым ступенькам к металлической двери и постучал. Зачем — навеки останется для него тайной.

— Эй, ты чего? — зашипел Холодец. — Вдруг он там таится-таится да как выскочит! И вообще, — он понизил голос, — приличные люди не якшаются с покойниками. По ящику говорили, от таких разговорчиков до сатанизма — один шаг.

— Мура, — отмахнулся Джонни.

Он постучал ещё раз.

И дверь открылась.

Олдермен Томас Боулер, моргая от яркого солнечного света, сердито воззрился на посетителя.

— Ну? — спросил он.

Джонни развернулся и кинулся наутек.

Холодец догнал его на середине Северного проезда. Вообще-то Холодец, мягко говоря, со спортом не дружил, поэтому скорость, с какой он припустил вдогонку за Джонни, удивила бы многих его знакомых.

— Ты чего? Что за дела? — пропыхтел он.

— А ты не видел? — пропыхтел в ответ Джонни.